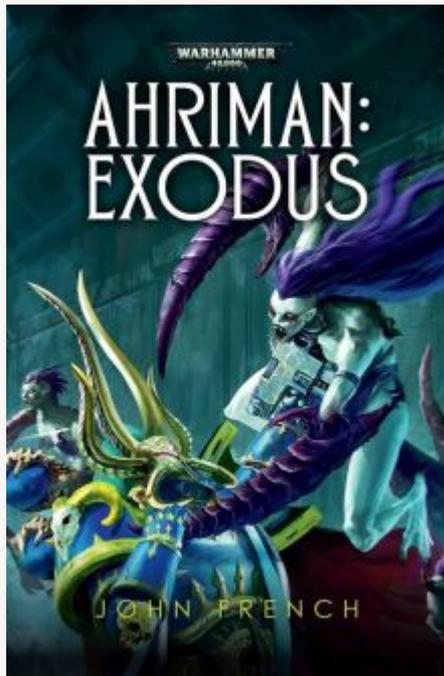

Ариман: Гончие гнева / Ahriman: Hounds of Wrath (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

*Ариман: Гончие гнева / Ahriman:
Hounds of Wrath (рассказ)*

Автор	Джон Френч / John French
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Серия книг	Ариман / Ahriman
Входит в сборник	Ариман: Исход / Ahriman: Exodus Честь Космического Десанта / Honour of the Space Marines
Предыдущая книга	Ариман: Участь глупца / Ahriman: Fortune's Fool
Следующая книга	Ариман: Первый принц / Ahriman: The First Prince
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Не спрашивай, что за существо кричит в ночи.

Не стремись узнать, кто ждет тебя в тени.

Ибо это мой крик тебя будит в ночи.

И тело мое сокрыто в тени.

— Каразантор Жестокий, Изменник Сианя

Знайте же, что демон — воплощение лжи.

Демон твердит о своем превосходстве. Заявляет, что все рано или поздно станут его рабами, что реальность погибнет, и он будет владычествовать царством смертных вечно. Он говорит, что такова судьба. Говорит, что в парадоксальном времени варпа это уже случилось. Эти слова, как и вся его природа, пропитаны ложью.

Существование демона не более чем сон. Его мощь — это похищенная энергия человеческих разумов. Обличье его — это образ, при взгляде на который мы понимаем, что к нам возвратились прегрешенья наши. Верно, он обладает мощью, но эта мощь пожирает саму себя. Высшие демоны, которых некоторые зовут богами, жаждут душ и власти, ради этого предавая друг друга и самих себя. Они не хищники. Они — падальщики.

Но, невзирая на лживость, демон способен извращать разумы живых, превращать плоть в насмешку над самой собой, отрицать смерть и разрушать труды смертных. Когда варп расширяется и нерожденные проходят сквозь завесу, они могут сокрушать армии и повергать героев. Они всегда там, выжидают за границей мысли и краем зрения.

Демон — воплощение лжи, но ложь эта способна уничтожить реальность.

Я говорю это потому, что посвятил свою жизнь призыву и управлению этими существами. Меня зовут Ктесиас, и как ничто другое мне известна цена веры в силу богов и их детей.

Гордыня — характерный признак любого колдуна, и в особенности колдуна Тысячи Сынов. Мы совершили ошибку, считая, что раз мы не рабы, то не можем быть и добычей. Это история о том, как я допустил подобную ошибку, а также о цене, которую мне пришлось заплатить.

«Свержение невежества» вращалось в пламени своей гибели. Корпус корабля раскололся от носа до нижней части мостика. Его корма держалась только на сломанных костях-балках. С мостика я наблюдал за тем, как в пустоте космоса медленно кружатся осколки железа и камня размерами с жилой стек.

+ Сбой поля Геллера. +

Я поднял глаза. Астреос опустился на колено, изучая палубу.

Я покачал головой и молча отвернулся. Мостик представлял собой каверну из покореженного металла, открытую вакууму. Мимо меня пролетали шарики машинного масла и крови. Лениво крутились трупы

или, вернее, части трупов. На спутанных трубках и кабелях висели куски сервиторов, все еще прикрепленные к своим системам. Взглядом я отыскал среди мусора деталь силовых доспехов: серебряную перчатку со спиральным завитком из синих камней и торчащим из нее обрубком кости.

Я принялся и ощутил внутри шлема привкус жженого металла и прогорклого пепла.

+ Нет, + послал я. + Поле Геллера тут не при чем. +

Я потянулся посохом и легким прикосновением отправил отрубленную кисть в полет. Ее пальцы чуть дернулись от психически заряженного контакта.

+ Кажется, ты в этом уверен, + послал Санахт. Он стоял на обвалившейся секции стены надо мною, магнитно прикрепившись к металлу. Мечник выглядел безразличным, его руки покоились на навершиях парных мечей. Он оставался настороже, но здесь было место мертвых, и ему едва ли что-то могло угрожать.

+ Не кажется, + ответил я. + Я уверен. +

+ Здесь побывали нерожденные, + Астреос поднялся, его пальцы стали темными от полузамерзшей крови на палубе.

+ Сокрушительно очевидный факт, + послал я, не сумев утаить сквозившую в словах усталость. На мгновение я закрыл глаза. Их жгло от переутомления.

Мы переместились из варпа всего четыре часа назад, и дорога далась нам нелегко. Мы шли из центрального пространства Ока Ужаса, и все это время штормы непрестанно трепали наши флоты и разумы.

Я глубоко вдохнул и почувствовал, как дернулась рука от инстинктивного желания прижать пальцы ко лбу. На краю зрения заплескали яркие точки красного света.

+ Нерожденные здесь были, + послал я, + но это не значит, что поле Геллера дало сбой. +

+ Тогда что случилось? + спросил Санахт, мысленный голос мечника не скрывал нетерпения. Я подавил гневную отповедь и ответил так точно, как только мог.

+ Нечто другое, + послал я.

+ Но что? + не сводя с меня глаз, поинтересовался Астреос, презрение клубилось из его ауры серыми завитками.

+ Я... + начал я, а затем остановился. «Свержение невежества» прибыло на четыре часа позже остального флота, выброшенное в реальность горящим остовом, чьи отголоски гибели тянулись следом изорванным шлейфом красной варп-кожи. Это само по себе было загадкой, тревожной загадкой. Как демоны сумели пробраться на корабль, если поле Геллера исправно работало?

+ Я не уверен, + закончил я.

По воксу раздался кашляющий смешок Санахта. Я собирался ответить, когда наши разумы наполнил еще один голос.

+ Он прав. +

Мы разом обернулись к явившемуся на мостик Ариману. Он не шагал, но парил, направляя себя нитями телекинетической энергии. Мимо него пролетали обломки, иногда настолько близко, что столкновение казалось мне неизбежным, но его скорость и курс оставались прежними. На высоких рогах его шлема и шелковой ткани одеяний искрилась корка льда. За ним маршировало отделение Рубрики, в блеклом единстве крепясь ботинками к палубе. Он замер перед нами, и мы склонили головы. Боль в черепе до сих пор была яркой.

+ Ктесиас прав, + послал Ариман. + Щиты не отказывали. Команда погибла, убегая от чего-то, пришедшего изнутри. Они вошли варп уже со своим роком на борту. +

+ Повреждения... + начал Астреос.

+ Один из членов команды перегрузил плазменные соединители. Храбрость или безумие, кто знает? + Ариман остановился, кружась над опаленной и погнутой палубой. + Я до сих пор слышу крики — они цепляются к корпусу. Но это шторм без какой-либо упорядоченности, просто цвет и текстура ужаса. А в нем... +

Его ощущения медленно угасали, и от этого колебания меня пробрал озноб.

+ Повелитель? + спросил в пустоту Санахт.

Ариман покачал головой и обратил свой взор на меня.

+ Узнай, что здесь случилось, Ктесиас. Мы выдвигаемся к Саматису через два цикла. Это все время, что у тебя есть. +

В голове начало возникать возражение, но оно умерло, так и не успев оформиться в нечто связное. Ариман уперся в меня взглядом, и я ощутил, как внутри шлема защипало лицо. Я инстинктивно понял, что не сумею отказаться от выполнения этого приказа. Из всего его Круга я больше всех знал о демонах. Только я мог дать ему ответ. Наш род не любит загадок; они вредят нашим претензиям на непогрешимость.

+ Как пожелаешь, + склонив голову, ответил я.

Ариман кивнул и указал на Санахта.

+ Санахт приглядит за тобой и уберезет, если возникнет нужда. +

По позе и молчанию мечника я понял, что он уже получил мысленный приказ от Аримана, и нравилось ему это не больше чем мне. Я кивнул ему. Он отвернулся.

+ Два цикла, Ктесиас, + послал Ариман и направился к рваной пробоине в стене мостика. Во внешней ночи двигались огни-мотыльки кружащих рядом боевых кораблей. Я заметил, как один корабль лег на новый курс и начал приближаться к нам. + Два цикла, а затем ты дашь мне ответ, что здесь случилось. +

Я трудился весь лишенный солнца цикл дня и ночи. Санахт присматривал за мной, его наполовину разбитая душа наполняла пределы моих чувств покалыванием нетерпения. Я пробирался через мертвый корабль, касаясь разумом каждой стены и заклепки.

Эмоции — это течения варпа. Сильные эмоции заставляют его дрожать и оставляют след в том месте,

где случился их всплеск. Большинство таких следов слабые и быстро гаснут. Наиболее сильные чувства оставляют куда более стойкие отпечатки. «Свержение невежества» походило на рваную рану, смешавшееся пятно впечатлений, такое густое, что у меня ушли часы на то, чтобы вычленив тени произошедшего на борту.

Конечно, Ариман был прав — корабль погиб в варпе, и его поле Геллера не давало сбой. Демоны уничтожили судно изнутри, и его взрыв произошел по вине собственной запаниковавшей команды. Но посреди накатывающих волн ужаса и темных клякс смерти было нечто еще.

«Свержение невежества» принадлежало банде, которой руководило жречество из числа псайкеров, поклонявшихся наобум выбранным демонам и аспектам Изменяющего Пути. Подобно множеству банд, что служили Амону, а после присягнули на верность Ариману, они были не выходцами из Тысячи Сынов, но авантюристами и наемниками, которых влекла власть и обещание заполучить ее еще больше.

Кем-то вроде меня.

Даже их самые могущественные колдуны были слабаками и детьми по сравнению с Ариманом и остальным Кругом, но их силы все равно были немалыми. И во всей круговерти смерти, ярости и отчаяния я не мог отыскать ни следа их искусства. Раны, оставленные колдовскими молниями, и отпечатки огня попросту отсутствовали. Все они погибли, так и не применив самое мощное свое оружие.

Это тревожило меня.

Я продолжал идти, стараясь не задумываться о том, что это могло значить.

Пока я пробирался и пролетал мимо обломков, начала вырисовываться картина. Поначалу она была едва различимой, но чем глубже мы с Санахтом заходили, тем яснее она становилась. Все разрушения и ужас на корабле исходили из единого эпицентра, как будто отпечаток, оставшийся после взрыва бомбы. В самом центре картины находился коридор. Ничем не примечательный отрезок из стен, пола и потолка в секции, населенной высшими кругами человеческой команды: умелыми сервами, помощниками-фаворитами и трэллами. Он походил просто на обычный пустой коридор с запекшимися на стенах брызгами крови. Но это было уже начало, точка отсчета, и если я собирался дать Ариману ответы, то именно отсюда мне стоило начать настоящую работу. Здесь я вызову прошлое и увижу, что же произошло.

Я выговорил последнее слово заклинания, и в безвоздушной пустоте появилось светящееся облако. Облако сгустилось и закрутилось, словно змея. Я неотрывно следил за ним. На дисплее шлема зашипела статика. Внутренним оком я видел, как облако растет, угольки света уплотнялись, пока не стали толстым узлом во мраке. Теперь я начал видеть в нем другие образы, руки и лица, вытянувшиеся мотками зернистого света.

+ Ты гордишься тем, во что превратился? + наблюдая за мною, спросил Санахт.

— Горжусь ли я? — ответил я обычным голосом. — Какой странный вопрос.

+ Честный, учитывая то, что ты такое, + послание ужалило мои мысли. Колдовской образ замерцал. Его границы раскололи резкие черные трещины.

— Пожалуйста, прекрати. Я понимаю, что твои способности более ограничены, чем прежде, но я занят деликатным и сложным делом, которое может привести к печальным последствиям, если что-то пойдет не так.

Я проговорил поток тихих слов, и тени в коридоре замигали и истончились.

— Учитывая то, что я такое... — осторожно повторил я, понимая, что мне не следует обращать на них внимания, но все же позволив раздражению пересилить благоразумие. — Так, видимо, ты знаешь, что я такое?

— Ты — результат собственных устремлений — существо без чести, что раз за разом продавало самого себя. Неудача.

— Неудача?

— Ты продал все, что имел, ради ничтожной власти. В твоём мире нет ничего, чем бы ты ни пожертвовал ради ещё одного вдоха. Ты — величайшая из неудач. Ты — оболочка, оставшаяся от воина.

— Какие сильные слова, *брат*, — последнее слово сорвалось с моих уст, будто снаряд. — Ты-то, конечно, воин высоких идеалов, не ведающий ни слабости, ни поражения. Но я вижу их в тех, кому ты отдавал свою верность. Скажи мне, неужели Магнусу не хватало величия и достоинства? Уж не потому ли ты отвернулся от него? Неужели возвышенные мотивы Аримана оказались столь скоротечны в твоей душе, что когда Амон предложил будущее забвение, ты без промедления согласился? А когда он пал жертвой Аримана, новая мечта сменила старую до или после того, как тело Амона коснулось пола?

Его мечи превратились в размытые пятна, прежде чем я понял, что он достал их. Я оттянул толику своей воли от концепции и ударил ею в Санахта. Её было немного, но достаточно, чтобы тот пошатнулся. Сфера энергии раздулась и замерцала. По стенам пополз лед, и я почувствовал открывшиеся на коже раны, пока пытался удержать разум в единении с заклатьём.

— Осторожнее, — мягко сказал я. — Помни, нам обоим вряд ли захочется быть здесь, если я потеряю сосредоточенность.

Санахт взглянул на меня, острия его мечей искрились в бледном свете. Он покачал головой и вложил мечи обратно в ножны. Говоря по правде, я не думал, что он собирался убить меня. Будь оно так, эта история могла бы закончиться иначе.

— Горжусь ли я? Так звучал вопрос? — спросил я. Психическая концепция передо мною задрожала. — Горжусь ли я своими умениями? Горжусь ли тем, что, несмотря ни на что, я до сих пор жив, обитая в подземном царстве Вселенной, населенной лишь врагами?

Я оглянулся на Санахта, и узел тусклого света развязался. Щупальца призрачной энергии заметались во тьме и забили по стенам, полу и потолку. Наружу потянулись бугры очертаний и тени, кипя размытыми образами и движениями. В ушах забормотали шепоты и сломленные голоса. Санахт вздрогнул, когда обратная волна проявления докатилась до его разума.

Я улыбнулся.

— Горжусь ли я? Да, думаю, что да.

Он обернулся, чтобы ответить, но затем прошлое затопило коридор перед нами и похитило все то, что собирался сказать мечник, у него с языка.

Из тьмы поднялся человек, изваянный из рваного света. На его краях размывались призраки одежды и конечностей. Конечно же, видение не было реальным. Оно было отпечатком того, что здесь произошло, изъятое из варпа и обретшее жизнь, подобно изображению, спроецированному на стену. Я разглядел

лицо, но оно было не тем, которое он носил при жизни. Черные как пропасти глаза выпучились над разверзнутой щелью рта. Это было лицо его души. Лицо человеческого псайкера, не самого сильного, но из тех, которых некоторые последователи Аримана держали в качестве трэллов. Он бежал, спасая свою жизнь.

Я увидел, как он оглянулся на то, что находилось у него за спиной, и его голова разлетелась осколками света, когда разум человека раскололся от страха. Я услышал призрачный отголосок его крика, слабый и отдаленный, как будто он доносился откуда-то издалека. Я посмотрел назад, туда же, куда и он.

И в это мгновение, прямо как оглянувшийся образ мертвеца, я увидел, как из тьмы вздувается тень.

И услышал вой.

+ Что это было? + послал Санахт. Призрачные образы изливались в безвоздушную тьму. Я дрожал, мои пальцы стучали по внутренней стороне перчаток. По спине танцевал холод. + Ктесиас, ты слышишь это? + Вой в моей голове поднимался снова и снова. + Ктесиас? +

Я тяжело дышал, кровь стучала ускоряющейся барабанной дробью внутри черепа. Санахт достал мечи и теперь озирался по сторонам, словно пытаюсь определить, откуда доносится звук.

+ Я слышу волков, + послал он.

+ Нет. +

Я потянулся к болт-пистолету на поясе. Я носил его по привычке, хотя нечасто им пользовался. Разум — единственное оружие, которое мне требуется. Лед все еще охлаждал мне спину. Все стало предельно ясно насчет того, какая же участь постигла «Свержение невежества», и, как всегда, правда не несла в себе уюта.

+ Не волки, брат, + послал я. + Это был зов гончей. +

И, едва я отправил последнее слово, во тьме раскрылись пылающие глаза, и гончая взвыла, выпрыгивая в реальность.

Все во Вселенной сбалансировано, так однажды сказал Магнус. На каждую скорбь отыщется своя радость. На каждый свет есть своя тьма. И на все, что цепляется за жизнь, найдется хищник. Это старейшая чаша весов и старейший источник страхов. Рычание во тьме за границей костра, кольцо зубов, бесшумно поднимающееся из темных вод, крылья охотника, кружащего в небе. Мы, воины Тысячи Сынов, считаем себя трансцендентными созданиями среди смертных, не уступающими по силам богам. Так и есть — наша гордыня не беспочвенна, но мы не стоим в стороне от стада смертности. Есть существа, которые на нас охотятся, постоянно жаждут наших душ. Из них, возможно, самые страшные — гончие Повелителя Черепов.

Гончая сформировалась в прыжке. Ее голова была огненной впадиной, зубы — остриями сломанных мечей. Заляпанный запекшейся кровью мех и расплавленная чешуя покрывали красные мышцы. Коридор наполнился смрадом разрубленного мяса и горячего железа.

Санахт отреагировал раньше, чем я успел сформулировать мысль. Его парные мечи сверкнули ослепительными полосами молний и огня. Я увидел, как удары настигли цель, увидел мощь и красоту, когда один силовой меч погрузился в морду гончей, и идеальный расчет, с которым кромка второго

клинка распорол ей бок. Я увидел, как гончая рухнула, и из свернувшегося тела шариками разлетелась кровь цвета расплавленной бронзы. Вот только этого на самом деле не случилось.

Острие силового меча ринулось вперед, но огонь на кромке угас, словно задутая свеча. Энергия, напитывавшая клинок, испарилась. Гончая опустила голову и встретила кончик мертвого металла своим лбом. Выпад пронзил пустоту. Я ощутил запах жженого сахара и мяса. Шею существа опоясывал шипованный бронзовый ошейник, пышущий кузничным жаром и ненавистью. Едва я увидел его, мне захотелось кричать. Гончая поглощала варп, осушая мой разум и обнажая меня перед голодным вакуумом. Существо казалось провалом в моем внутреннем оке, растянувшейся тенью.

Гончая приземлилась, и железные когти лязгнули по пластили. Санахт развернулся, чтобы остановить инерцию выпада, но из-за магнитно закрепленных на полу ботинок его движение замедлилось. Гончая запрокинула голову. Санахт дернулся назад, и ее зубы сомкнулись там, где мгновение назад находилась шея мечника. Он отключил магнитные крепления и взмыл над палубой.

Я открыл огонь из болт-пистолета. Отбросив всяческие претензии на действие гравитации, гончая заскочила на стену, впившись когтями в металлические пластины. Мои болтерные снаряды разорвались следом за ней. Санахт коснулся ногами потолка и закрепился на нем. Гончая оттолкнулась от стены, работая мышцами, словно поршнями. Санахт извернулся и ударил мертвым металлом силового меча ей по морде. Существо откинуло голову, и челюсти щелкнули в волоске от лица мечника. Будь на его месте кто-то другой, я бы подумал, что ему повезло во второй раз, но хотя Санахта можно было назвать кем угодно, я бы никогда не стал отрицать того, что с мечом он обращался скорее как божество, нежели смертный.

Он вогнал силовой меч под челюсть гончей. Окутанный молниями клинок пробил кость и мышцы. Тело гончей судорожно забилося, когти оторвались от потолка. Санахт выдернул меч обратно через череп и морду. Ошейник на гончей полыхнул синим жаром, и во все стороны брызнули расколотые глобулы плоти и расплавленной меди. Мечник дернулся назад, снова отключил магнитные крепления и оттолкнулся от потолка.

Я услышал еще одно рычание и, едва обернувшись, увидел, как из теней выскочила очередная гончая. Я выстрелил. Снаряд угодил ей в плечо и вырвал в теле кратер. Куски багровой чешуи рассыпались в вакууме и с шипением обратились в эктоплазму. Я снова нажал спусковой крючок, как раз когда гончая с разбегу врезалась в меня.

Меня спасло отсутствие гравитации. Если бы я упал, последним, что я ощутил бы в жизни... было...

Гончая навалилась на меня лапами и грудью, ее пасть широко распахнулась, чтобы откусить мне голову. Я рванулся назад, отсоединив ботинки от пола. Челюсти гончей сомкнулись. Один клык впился мне в предплечье, распоров доспехи, словно кожу. Меня закружило по коридору. Следом за мной летели капли крови. В черепе взорвалась яркая, белая боль. Я истекал кровью, и в меня просачивалась чернота. Варп становился все более отдаленным. Я бился о потолок, стены и пол, продолжая катиться дальше и дальше, так и не выпустив из рук посох и пистолет.

Я услышал, как гончая бросилась следом, разрывая когтями металл коридора. Ее голод наполнил мой разум, и я понял, что она не остановится до тех пор, пока не затащит мою душу в пропитанную кровью тьму под Троном Черепов. Это было неизбежно. Так было предначертано. Я поднял пистолет, но руны прицеливания непрерывно кружились, пока мой мир снова и снова переворачивался с ног на голову.

Лезвие меча погрузилось в шею существу. Силовое поле активировалось за миг до того, как острая

кромка коснулась плоти. Клинок впивался все глубже, брызжа во все стороны чешуей, мясом и костью.

Моя спина ударило о стену. Прислонив руку к металлу, я резко затормозил. Санахт парил возле демона, вгоняя клинок ему в шею. Я поднял пистолет и открыл огонь. Три болта оторвали голову существа и превратили ее в осколки и пену.

Я протяжно выдохнул, когда мои мысли, наконец, воссоединились с варпом. Это принесло мне облегчение даже большее, чем осознание того, что я еще жив.

Санахт ударился в стену рядом со мной и закрепился на ней.

+ Ты ранен? + спросил он.

+ Твое беспокойство освежающе неожиданно, + выдавил я. Кровь до сих пор текла из пореза на руке. + Я в порядке. +

+ Двигаться можешь? +

Вместо ответа я оттолкнулся от стены и полетел по коридору. Нам требовалось добраться до десантного корабля. Нужно было вернуться на «Сикоракс». Я потянулся своим разумом, пытаюсь отыскать Аримана, пытаюсь заговорить с ним, но единственным ответом стали затихающие крики мертвецов. Санахт последовал за мной, в кружащем безмолвии отскакивая от стен и опор.

+ Нападение было не случайным, + послал я, пока мы летели сквозь мрак. + Они ждали нас. Это было их послание. Гончих спустили охотиться на нас, охотиться на *него*. +

Это был один из тех моментов в жизни, когда нечто похожее на верность могло удивить даже меня самого. Мне следовало сохранять благоразумие. Мне не стоило быть настолько наивным.

+ Кто спустил их? +

Хороший вопрос, и мне следовало понять, что он также был единственно важным. Оглядываясь на прошлое, все мы чувствуем себя глупцами.

+ Да кто угодно, + огрызнулся я.

Краем разума я услышал, как из глубокой ночи доносится новый вой.

Ариман ждал, когда мы запрыгнули в корабль. Я сумел соединиться с его разумом за пару минут до погрузки и выпалил предупреждение. Все это время мое тело пыталось остановить текущую из раны кровь. Санахт продолжал сжимать включенные мечи, когда мы врезались в пол. Едва я поднялся на ноги, от меня во все стороны разлетелась кровь. Я окинул взглядом кольца воинов Рубрики, прикрывавших ангарную палубу. Астреос и остальной Круг стояли возле Аримана, в шлемах и доспехах.

По мне прокатилась волна удивления. Все было так спокойно. Так неподвижно. Никакой крови. Никакого воя гончих. Яркий свет ламп отражался от лазурных доспехов. У меня закружилась голова.

Это было неправильно.

Или дело во *мне*?

+ Ктесиас? + послал Ариман, шагнув вперед.

Гончие приближались. Я слышал их завывание. Они вкусили моей крови, и я с полной уверенностью знал, что они уже рядом.

+ Ктесиас? +

Я услышал мысль, но она прозвучала словно бы откуда-то издалека. Я моргнул и попытался сформулировать послание, попытался открыть рот. Но ничего не получилось.

Мир затрещал. Свет, касавшийся моих глаз, покрылся красными разводами. Ноги подкосились, и я рухнул на колени. Красное. Вокруг царило спокойствие, но я видел только красное: красная лужица густой крови, красное солнце, скрытое дымом горящего мира, и красный меч, вытянутый из горнила. Мир утопал в багрянце, и я тонул вместе с ним.

А затем с моего разума частично спала пелена глупости. Мне следовало понять. Из всего Круга Аримана именно мне следовало увидеть и понять, и не быть таким слепцом. Оказалось, даже я подвержен гордыне.

Я попытался встать, и не смог.

Я почувствовал, как меня подхватили чьи-то руки и попытались поднять.

Я с трудом открыл рот.

— Они... — начал я и ощутил, как чужие мысли пытаются коснуться моих, но мой разум превратился в размытое пятно из заостренных краев и пышущего жара. — Они идут, — судорожно дыша, прохрипел я. Воздух в моих легких стал дымом и золой.

— Мы готовы, — произнес Астреос.

— Им нужен запах, — сказал я, ощущая, как с каждым словом на палубу падает капля крови. Думаю, именно тогда они поняли, ибо почувствовал, как они отшагнули назад, и услышал потрескивание готовящегося к бою оружия.

Та гончая выполнила поставленную цель. Она ранила меня и вкусила моей крови, так что получила мой запах.

И теперь остальные могли проследовать за мной из-за завесы.

В моей голове поднялся вой. Сначала один, затем второй, а потом больше, чем я мог сосчитать. Кровь обратилась в огонь. Вокруг меня вскружился багровый вихрь, стена кровавого тумана и черного дыма, и я понял, что моя долгая и ничтожная жизнь подошла к концу.

Но еще я знал, что не собираюсь встретить свой конец на коленях.

Я поднялся на ноги и заставил себя открыть глаза.

Секунду все казалось таким же, как раньше. Ариман, Астреос, Санахт — ряды воинов Рубрики — все они стояли передо мной с оружием наизготовку. Затем, с последним воем у меня в черепе, гончие бросились на нас.

Они выпрыгнули из-за края зрения. Багровые тела замерцали, материализуясь. Вокруг Астреоса заискрились молнии, хлестнув по формирующимся фигурам, и исчезли, так и не успев их коснуться. Свет замигал и раздробился на черные и пылающие красные осколки. Я увидел, как первая из обретших

тело гончих взметнулась с пола, и Рубрика как одна открыла огонь. Болты разорвались в воздухе, заключенное в них сине-розовое пламя угасло и исчезло в мгновение ока. Гончая приземлилась среди Рубрики, ее челюсти сомкнулись на груди одного из воинов и отбросили его в задние ряды. Из пробитой брони посыпался прах. Я услышал высокий, сухой крик в варпе.

Санахт бросился к Ариману, его мечи превратились в два размытых пятна. Вокруг нас появлялось больше гончих. Я слышал грохот болтерных снарядов и взрывов. Воины Рубрики начали резко замирать — присутствие гончих отрезало их от силы, оживлявшей доспехи. По воксу кричали голоса. Я увидел, как Астреос избивает одно из существ наверху своего безжизненного психосилового меча. Ариман призывал нас, кружась среди творящегося опустошения и с каждым шагом извергая огонь.

— Ктесиас! — крикнул он, и я обернулся. Гончая прорвалась сквозь неподвижную линию Рубрики и теперь скачками неслась ко мне, до предела напрягая мышцы. Я снял с бедра пистолет. Мои пальцы повлажнели от крови. Горящие оранжевые глаза неотрывно следили за мной — они были уже слишком близко, а моя рука только-только поднималась. Фигура в синих доспехах врезалась в гончую сбоку, протаранив ее грубой физической силой. Демон покатился, заскребя когтями по палубе в поисках опоры. Затем Астреос выпрямился и, зашагав к существу, открыл по нему огонь из болт-пистолета. Гончая разлетелась ошметками красного дыма и месива из плоти.

Он оглянулся. Шипящая кровь забрызгала его доспехи и мантию.

— Спасибо, — выдавил я.

Астреос отвернулся, не переставая стрелять. Смазанные очертания, крики и рев оружия накатывали, словно буря. Я искал цель, но мои конечности двигались так, будто я брел по воде. С руки скапывала кровь. Она шипела от огня, пронзая воздух.

Затем я осознал еще одну возможность, которую упустил из виду, и выбрал себя за то, что не заметил ее раньше. Я сосредоточился и обратил свой разум внутрь, к биению жизни в венах. Я ощутил текущую во мне кровь, двойное сердцебиение стало ревом и столкновением битвы. Как и все остальные демоны, гончие были порождениями варпа, пусть даже медные ошейники и благословение хозяина делали их нечувствительными к нашим силам. Варп — их жизнь, и в этот момент их жизнь в реальности зависела от нити крови, по которой они следовали. Моей крови.

Они ощутили, как мой разум начал изменяться. Демоны взвыли и обернулись ко мне. Я пытался устоять на ногах. Увидел, как Санахт отрубил лапы одной из них, когда та отвернулась от него и бросилась в мою сторону. В разуме разворачивались формулы, множась, обретая существование благодаря моей воле.

Гончие стягивались ко мне, смыкаясь мерцающими оковами. Палуба у них под ногами покрывалась изморозью, их кровь поднималась в воздух, словно дым. Орудийный огонь и клинки били по стае, и некоторые падали или разлетались на куски. Но гончие не останавливались и не сворачивали с пути. Они понимали, что я намеревался сделать, и собирались уничтожить меня прежде, чем я успею свершить задуманное.

Формулы изгнания древние, их тайны были известны на протяжении тысячелетий и забывались множество раз. Готовить их следует с осторожностью, а применять со всей тщательностью. Но у меня не оставалось ни времени, ни сил для предосторожностей. Я высвободил мысли и позволил им омыть узы крови.

Гончие взвыли, но вопль умер у них в глотках. Их тела вспыхнули. С них начали отслаиваться хлопья

пепла. Чешуя треснула. Огонь в их глазах загорелся ярче. Демоны задыхались в реальности, и я был рукой на их горле.

Ариман, Астреос и остальные разом открыли огонь. Болтерные снаряды били по рассыпающейся плоти, обращая ее в серые облака. Секунду мне казалось, что я преуспел, что я все же выживу.

Гончая перескочила превращающуюся в прах свору и приземлилась передо мной. По ее вздымающимся бокам стекала расплавленная медь, края тела смазывались дымкой из золы и пепла. Я закончил последнюю часть формулы, и почувствовал, как варп вздулся и вытянулся в реальность, чтобы утащить гончих назад в их измерение.

Пасть гончей разверзлась. Ее зубы были черными щелями в ткани мира. Я слышал крики и грохот стрельбы. Тело гончей разлетелось на куски, когда та ринулась на меня. Ее вой поглотил мой разум.

Челюсти сомкнулись на моей шее.

Буйство и краски жизни исчезли, на меня накатило безмолвие, и вот тогда я умер в первый раз.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ариман:_Гончие_гнева_/_Ahriman:_Hounds_of_Wrath_\(рассказ\)&oldid=12210](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ариман:_Гончие_гнева_/_Ahriman:_Hounds_of_Wrath_(рассказ)&oldid=12210)

Эта страница в последний раз была отредактирована 1 апреля 2020 в 16:14.